

Шереметьев Александр Григорьевич

ИСЛАМ И ТЕНГРИАНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ УЛУСА ДЖУЧИ: СМЕНА ДУХОВНЫХ ОРИЕНТИРОВ (XIII-XIV ВВ.)

В статье рассматривается эволюция духовных приоритетов золотоордынских правящих кругов в XIII-XIV вв. Анализируются причины постепенного угасания в Улусе Джучи роли раннеимперской идеологической доктрины (тенгрианства) и параллельного возрастания значения ислама. Отдельное внимание уделяется вопросу о формах проникновения исламских ценностей в золотоордынскую среду (ханафитский мазхаб, суфизм), предопределивших своими характерными особенностями сохранение многих раннеимперских принципов государственного управления, характерных для тенгрианства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/54.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. II. С. 198-202. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

5. Книга Большому Чертежу [Электронный ресурс]. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1950. URL: <http://www.matteuccia.ru/rasnoe/bigdraft/index.html> (дата обращения: 02.03.2014).
6. Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М.: Мысль, 1984. 653 с.
7. Опыт аспектного анализа регионального языкового материала (на примере Белгородской области) / кол. моногр.; под ред. Т. Ф. Новиковой. Белгород: ИПК НИУ «БелГУ», 2011. 228 с.
8. Региональное законодательство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regionz.ru/index.php?ds=2013313> (дата обращения: 02.03.2014).
9. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12.
10. Столы Разрядного приказа, по хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции книгам их: отчет о занятиях в Архиве осенью 1878 года доцента Императорского Казанского университета Н. Загоскина. Казань: Типография Императорского университета, 1879. 47 с.
11. Харьковская Е. В. Развитие археологического туризма в Белгородской области (на примере города-крепости Болховец) // Стратегии устойчивого развития регионов России. 2013. № 17. С. 192-196.
12. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [Электронный ресурс]. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1891. Т. 4. URL: <http://www.runivers.ru/bookreader/book10138/#page/336/mode/1up> (дата обращения: 02.03.2014).

ETYMOLOGY OF TOPONYM “БОЛХОВЕЦ” (BOLKHOVETS)

Shvarev Evgenii Viktorovich, Ph. D. in Sociology, Associate Professor
Belgorod State Agricultural Academy named after V. Gorin
sewer@bel.ru

Khar'kovskaya Elena Viktorovna, Ph. D. in Pedagogy
Belgorod State Institute of Arts and Culture
elena.xarkovskaya@mail.ru

In this article the etymology of the toponym *Болховец* (Bolkhovets), a town-fortress (then a village) of Belgorod boundary that was founded in 1646, is considered. On the basis of historical and etymological analysis by concrete historical material the authors offer their own version of the name origin of the town-fortress Bolkhovets from the earlier toponyms fixed in the written sources of the beginning of the XVII century.

Key words and phrases: etymology; toponyms; Belgorod boundary of the XVII century; town-fortress Bolkhovets.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В статье рассматривается эволюция духовных приоритетов золотоордынских правящих кругов в XIII-XIV вв. Анализируются причины постепенного угасания в Улусе Джучи роли раннеимперской идеологической доктрины (тенгрианства) и параллельного возрастания значения ислама. Отдельное внимание уделяется вопросу о формах проникновения исламских ценностей в золотоордынскую среду (ханафитский мазхаб, суфизм), предопределивших своими характерными особенностями сохранение многих раннеимперских принципов государственного управления, характерных для тенгрианства.

Ключевые слова и фразы: Золотая Орда; джучиды; религиозный фактор; политическая жизнь; тенгрианство; ислам.

Шереметьев Александр Григорьевич

Научно-производственный центр по сохранению культурного наследия (г. Саратов)
alexandrsheremetev@yandex.ru

ИСЛАМ И ТЕНГРИАНСТВО В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ УЛУСА ДЖУЧИ: СМЕНА ДУХОВНЫХ ОРИЕНТИРОВ (XIII-XIV ВВ.)[©]

Преодолев на рубеже XII-XIII вв. период разложения родового строя, монгольское общество поднялось на новую ступень политического, социально-экономического и культурного развития. Этот процесс характеризовался межплеменным объединением, мощной экспансией и формированием новых политико-правовых и идеологических концепций.

На базе монгольского обычного права было разработано имперское законодательство – Великая Яса, которая регулировала главные аспекты общественных отношений, дополняясь обычным правом покоренных народов и частными актами отдельных правителей [38, с. 25]. Среди законодательно закрепленных положений, действовавших повсеместно на территориях подвластных монголам, фигурировала религиозная терпимость [11, с. 109], обусловленная, в первую очередь, рациональным подходом к управлению поликонфессиональным обществом.

В основу имперской идеологии и политической мифологии, окружавшей фигуру Чингисхана, легли традиционные монгольские верования. Существовавший у монголов периода родового строя, как один из множества, культ (Неба) Тенгри к началу XIII в. преобразовался в имперскую идеологию, отвечающую глобальным интересам завоевателей [9, с. 152; 29, с. 500].

При этом тенгрианство не развилось в государственную религию, обязательную для всех подданных. Оно не знало священного писания, сословия священнослужителей и системы институтов. На бытовом уровне потребности монголов как рядовых номадов, так и высшей политической элиты продолжали обслуживать шаманы [35, с. 243]. Особо отметим, что в этот период монголы уже не были просто язычниками или шаманистами. Шаманизм в чистом виде не мог удовлетворить духовных потребностей завоевателей. Им нужна была сверхидея, государственная идеология. Н. Н. Поппе справедливо отмечал, что шаманизм лучше всего сохранился у племен, менее всего вовлеченных в сферу монгольской государственности [31, с. 153].

Глава империи стал «верховным жрецом», носителем высшей духовной силы, посредником между Небом и социумом. Этот статус Чингисхан сохранил и после смерти в виде культа *сульдэ*, воплощенного в разного рода объектах (чаще всего в знамени) [41, с. 477]. Весь механизм сакрализации власти действовал в рамках поклонения Небу.

«Сокровенное сказание», официальная монгольская хроника, содержит ретроспективное описание рождения Бортэ-чино, основателя монгольской княжеской фамилии, и Бодончара, непосредственного предка Чингисхана. О Бортэ-чино сказано, что он был рожден «по изволению Вышнего Неба» [22, § 1]. Описание обстоятельств рождения Бодончара и двух его братьев вложено в уста их матери – Алан-Гоа: «Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), (Солнце закатилось, а луна еще не взошла) входит, бывало, ко мне светло-русый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево. <...> Ведь если уразуметь все это, то выйдет, что эти сыновья отмечены печатью небесного происхождения» [Там же, § 21]. Сюжет о божественном происхождении Бодончара в монгольской традиции был одним из наиболее разработанных. Этот мотив встречается в сборнике летописей Рашид ад-Дина [34, с. 14], в династийной хронике «Юань ши» [10, с. 11] и даже в поздних монгольских летописях [3, с. 64-65]. В период империи эта легенда проецировалась на рождение самого Чингисхана [21, с. 46].

Характерной чертой менталитета любой культуры, по выражению Е. Н. Черных, является «синдром Нарцисса», являющийся, по сути, «коронным фактором, так называемой национальной идеи или самоидентификации: господствующие постулаты понимания мира той или иной культурой не могут и не должны вызывать сомнений у ее носителей. Если же синдром размывается, слабеет, а его базовые каноны разъедаются ржавчиной подозрений относительно его истинного совершенства, то налицо явные признаки кризиса культуры» [40, с. 34]. Культ Тенгри для монголов эпохи империи и стал той самой национальной идеей, тесно сопряженной со стремлением к светской власти и определяющей вектор этнополитического сознания.

Данная ситуация привела к закономерным следствиям в плане религиозной политики чингизидов. С одной стороны, завоеватели не приняли ни одной из известных им мировых религий [27, с. 436]. С другой стороны, они не стремились навязать свою идеологию покоренным народам, так как, во-первых, тенгрианство не было религией в привычном понимании этого слова: никаких благ зависимым группам населения, кроме идейного обоснования подчиненности, оно не сулило [39, с. 389]; во-вторых, в восприятии монголов, религиозные учения завоеванных обществ не представляли конкуренции Тенгри [44, с. 17].

Идейный каркас раннемонгольского государства продолжал функционировать в улусах и после их обособления. Легитимность своей власти ордынские правящие круги продолжали оценивать с позиций тенгрианства вплоть до времени «великой замятни» (1360-е – 1380-е гг.).

Монгольские официальные документы периода империи открывались схожей формулой, апеллирующей к сакральной субстанции: «*Möngke tngri-yin kücün-dür / Yeke suu Jali-yin ibegen-dür*», что может быть переведено как «Силою вечного Неба / Покровительством великой харизмы» [9, с. 153; 36, с. 103]. Подобную формулировку можно встретить в указах, пайцзах, письмах всех великих ханов [17, с. 29; 28, с. 75; 33, с. 59, 180-181, 216; 43, с. 3-4].

Документы джучидской канцелярии демонстрируют схожую картину. Письмо Бату Угедю (1230-е – 1240-е гг.) [22, § 275]; ярлык Менгу-Тимура митрополиту Кириллу (1267 г.) [14, с. 15]; ярлыки Узбека (1332 г.) и Джанибека (1342 г.) венецианским торговцам [15, с. 48-49; 16, с. 81-82]; Ярлык Бердибека митрополиту Алексию (1357 г.) [14, с. 90]; пайцзы Токты (1290-1312 гг.), Узбека (1312-1341 гг.), Кельдибека (1361 г.) и Абдуллаха (правил с перерывами в 1361-1370 гг.) [4, с. 127; 13, с. 139; 25, с. 323-324; 26, с. 71-74; 37, с. 135-136; 42, с. 100-101; 45, р. 185-215] – эти документы открываются формулой, являющейся апелляцией к силе Тенгри («Силою Вечного Неба» в русском переводе). Джучиды ясно осознавали преемственность идеологических традиций и легитимность своей власти оценивали в рамках ценностной системы, оформившейся в эпоху Чингисхана.

Такая ситуация в Улусе Джучи сохранялась на протяжении более ста лет. Однако ряд факторов обусловил смещение ценностных ориентиров политической элиты. Во-первых, монгольский компонент в этнической палитре Золотой Орды был незначителен. Монголы за период смены нескольких поколений были ассимилированы местными тюркоязычными народами. Во-вторых, к середине XIV в. чингизиды начали терять всю полноту власти. Прекратили свое существования монгольские государства в Китае (1368 г.) и Иране (1330-е – 1350-е гг.) – некогда единая империя перестала существовать. В-третьих, Золотая Орда в 1360-х – 1380-х гг. переживала тяжелейший кризис, сопровождавшийся бесконечной чередой «дворцовых

переворотов». И, наконец, в-четвертых, в Улусе Джучи регулярно продолжались межкультурные контакты, обусловившие подспудный обмен ценностями и, как следствие, синкретичный облик культуры государства. Культ Тенгри размывался, терял актуальность. В этих условиях идейная основа империи периода Чингисхана не могла долго сохранять первоначальный облик; в политическом самосознании джучидов обозначились новые духовные ориентиры. Ярлыки и письма Тохтамыша (1380-1395 гг.) уже не содержат указаний на силу «Вечного Неба», наоборот – выполнены в исламском ключе [8, с. 15; 30, с. 70].

Конечно, изменения в оформлении официальных актов и писем лишь внешнее проявление длительного процесса исламизации Улуса Джучи, начавшегося задолго до прихода к власти Тохтамыша и охватившего все сферы жизни государства.

В ходе монгольских завоеваний общими политическими границами в Золотой Орде оказались объединены такие ранее обособленные друг от друга регионы, как Поволжье, Средняя Азия, Кавказ, Крым, Сибирь и т.д. Многие из названных регионов общие границы обрели впервые только при монголах. Для успешного развития государства требовалось не только политическое объединение областей, но и духовное [23, с. 63-64].

Отсутствие идеологии, которая сплотила бы в единый этнополитический организм пестрое население Золотой Орды, стало важным условием быстрого распространения ислама. Напомним, тенгрианство – идеология завоевателей, но не покоренного населения. Здесь сыграли роль еще и такие факторы, как включение Хорезма и Волжской Булгарии – видных мусульманских центров – в состав Улуса Джучи, обслуживание Великого шелкового пути и тесные дружественные контакты с арабским миром.

Принято считать, что в первой половине XIV в., при хане Узбеке, ислам в Золотой Орде официально получил статус государственной религии [5, с. 142]. Тем не менее, джучиды, согласно приведенным выше данным, еще несколько десятилетий после реформы продолжали позиционировать себя как наследников ранней имперской идеологии – тенгрианства. Кроме того, даже в XV в., среди ордынского населения доисламские традиции и верования окончательно не утратили своего значения [19, с. 206; 20, с. 125-180]. Но, все же, нельзя отрицать, что при Узбеке ислам занял в Улусе Джучи беспрецедентно высокие позиции. Об этом свидетельствуют многие факты: один из очевидных – значительное увеличение в кочевнических курганах погребений, совершенных в согласии с мусульманскими канонами [18, с. 237].

Распространение мусульманства в Золотой Орде не сопровождалось угасанием монгольского принципа веротерпимости [2, с. 90-91]. С одной стороны, это было связано с тем, что ислам не успел до распада Улуса Джучи пустить здесь настолько мощные корни, что приверженность этому учению стала бы рассматриваться как обязательный признак верности государству и властям. С другой стороны, формам, посредством которых ислам проникал в Золотую Орду, была свойственна гибкость и терпимое отношение к не исламским ценностям. Прежде всего, среди мусульман джучидского государства преобладали сунниты ханафитского мазхаба. В центре учения Абу Ханифы находилась концепция «ирджа» (отказ от однозначных суждений) и такой метод поиска правовых решений, как «истихсан», обосновывающий отказ от «кийас'а» (суждение по аналогии из Корана или Хадисов), следствием чего являлась возможность вариативности решений судей, согласующаяся с конкретными условиями места и времени (обычное право, указы правителей и т.д.) [6, с. 98-100; 7, с. 255, 269-270]. Кроме того, главными посредниками между традиционным исламом и ордынским обществом выступали среднеазиатские суфии: Берке принял ислам от суфийского шейха Сайфетдина ал-Бахарзи [19, с. 219]; Туда-Менгу демонстрировал увлечение суфизмом, повлекшим отказ от престола [Там же, с. 75-76]; суфии присутствовали в окружении и других джучидов [5, с. 142-143; 12, с. 293-295; 19, с. 313, 390; 24, с. 99-100]. Миссионерская деятельность в суфизме, как известно, характеризовалась способностью к принятию местных идей и традиций и помещению их в контекст исламской культуры, что способствовало развитию культурно-религиозного синкретизма [1, с. 5].

В XIII в. монополия чингизидов на власть обосновывалась по средствам культов Тенгри и Чингисхана. В Золотой Орде, в силу названных выше причин, в эту сферу проникли исламские духовные ценности, что особенно ярко начало проявляться на рубеже XIV-XV вв.: апеллирование к мусульманским духовным иерархам при интронизациях и принятии политических решений; браки чингизидов и отпрысков авторитетных мусульманских фамилий; объявление причиной тех или иных действий в защиту ислама [32, с. 155-156].

В конце XIV в. в ярлыках ордынских ханов начинают фигурировать мусульманские судьи – кадии, что свидетельствует о приоритетном положении исламской общины [8, с. 27]. Однако шариат не успел в Улусе Джучи стать основным источником правотворческой деятельности. Отдельные этноконфессиональные общности руководствовались собственными принципами судопроизводства. К примеру, в XIV в. пост консула итальянских черноморских торговых колоний по своему статусу приравнялся к должности кадия [15, с. 81], что являлось свидетельством сохранения имперских традиций веротерпимости.

Итак, религиозный аспект в политической жизни Золотой Орды XIII-XIV вв. предстает перед нами как динамическая система, эволюционирующая в соответствии с требованиями меняющихся исторических условий. Чингисхан и его первые приемники нуждались в доктрине, способной сплотить разрозненные племена монгольских кочевников и обосновать активную экспансионную политику. Эту функцию успешно выполнило тенгрианство. Перед правителями Улуса Джучи стояли несколько иные задачи, однако, и они вплоть до второй половины XIV в. продолжали оценивать легитимность своей власти в рамках культа Тенгри. Тем не менее, уже в XIII в. в политическую жизнь джучидов проникают исламские духовные ценности, значительно потеснившие к концу XIV в. раннеимперскую доктрину.

Список литературы

1. Акимушкин О. Ф. Суфийские братства: Сложный узел проблем // Тримингем Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.
2. Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М. – Л., 1940. Т. 3.
3. Базарова Б. З. Буддизм и монгольские летописи XVII-XIX веков (к критике идеи преемственности происхождения монгольских ханов) // Источниковедение и историография истории буддизма. Страны Центральной Азии. Новосибирск, 1986.
4. Банзаров Д. Разъяснение одной монгольской надписи на серебряной дощечке, найденной в Екатеринославской губернии в имении барона А. фон Штиглиц // Банзаров Д. Собрание сочинений. М., 1955.
5. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В. В. Сочинения. М., 1968. Т. V.
6. Батыров Р. Г. Учение Абу-Ханифы об ирджа и проблемы межконфессионального диалога // Минбар. 2008. № 2. С. 98-100.
7. Беккин Р. И. Мусульманское право как отражение специфики политико-правовой культуры мусульманского мира // Политические системы и политические культуры Востока. М., 2007.
8. Березин И. Н. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.
9. Бира Ш. Тенгеризм // Век глобализации. 2009. № 1. С. 152-154.
10. Бичурин Н. Я. История первых четырех ханов из дома Чингисова // История монголов. М., 2008.
11. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. М., 1997.
12. Галиахметова Г. Г. Суфизм в Золотой Орде // Суфизм в Иране и Центральной Азии: материалы международной конференции. Алматы, 2006. С. 293-295.
13. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М. – Л., 1950.
14. Григорьев А. П. Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. СПб., 2004.
15. Григорьев А. П., Григорьев В. П. Ярлык Джанибека от 1342 г. венецианским купцам Азова (Реконструкция содержания) // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. СПб., 1992. Вып. XIV. С. 33-86.
16. Григорьев А. П., Григорьев В. П. Ярлык Узбека венецианским купцам Азова: реконструкция содержания // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1990. Вып. XIII. С. 75-107.
17. Доминиканец Юлиан о Монголо-Татарии // Альманах «Арабески истории». Вып. 5-6. Каспийский транзит. Т. 1. С. 21-33.
18. Зеленев Ю. А., Курочкина С. А. Золотоордынский город Сарай ал-Джедид: результаты археологических исследований на Царевском городище в 1994-2000 гг. Йошкар-Ола, 2009.
19. Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. 1.
20. Исафат Барбаро. Путешествие в Тану // Альманах «Арабески истории». Вып. 5-6. Каспийский транзит. Т. 2. С. 125-180.
21. История монголов по армянским источникам / пер. К. П. Патканов. СПб., 1874. Вып. 2.
22. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un Nirucatobciyan. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М. – Л., 1941.
23. Кульпин-Губайдулин Э. С. Золотая Орда: Проблемы генезиса Российского государства. М., 2009.
24. Малов Н. М., Малышев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998.
25. Малышев А. Б., Шереметьев А. Г. Монгольские и золотоордынские пайцзы, как предмет исследования в отечественной исторической науке // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2010. Вып. 8. С. 319-328.
26. Мальм В. А. Пайцза из Симферопольского клада // Средневековая Русь. М., 1976.
27. Мэй Т. Монголы и мировые религии в XIII в. // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
28. Мэн-дабэй-лу («Полное описание монголо-татар»). М., 1975.
29. Неклюдов С. Ю. Тенгри // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. М., 1992. Т. 2.
30. Оболенский М. А. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392-1393. Казань, 1850.
31. Поппе Н. Н. Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // Записки Института востоковедения АН СССР. Л., 1932. Т. 1.
32. Почекаев Р. Ю. Религиозные факторы легитимации власти в тюрко-монгольских государствах XV-XVIII вв. // Мир ислама: история, общество, культура: тезисы докладов II Международной научной конференции. М., 2010.
33. Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.
34. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М., 1952. Т. I. Кн. 2.
35. Рыкин П. О. Концепция смерти и погребальная обрядность у средневековых монголов (по данным письменных источников) // От бытия к инобытию: Фольклор и погребальный ритуал в традиционных культурах Сибири и Америки. СПб., 2010.
36. Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997.
37. Спицын А. А. Татарские байсы // Известия Императорской археологической комиссии. СПб., 1909. Вып. 29. С. 130-141.
38. Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006.
39. Хазанов А. М. Мухаммед и Чингис-хан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ, 2004.
40. Черных Е. Н. Степной пояс Евразии: Феномен кочевых культур. М., 2009.
41. Шастина Н. П. Образ Чингисхана в средневековой литературе монголов // Татаро-Монголы в Азии и Европе. М., 1977.
42. Шереметьев А. Г. История изучения монгольских и золотоордынских пайцз в отечественной историографии (дореволюционный период) // Научные исследования студентов Саратовского государственного университета. Саратов, 2010.
43. Шмидт Я. И. Монгольская квадратная надпись, из монгольского владычества // Библиотека для чтения (Журнал словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод). СПб., 1846. Т. 79.
44. Юрченко А. Г. Золотая Орда. Между Ясой и Кораном. СПб., 2012.
45. Munkuev N. Ts. A New Mongolian P'ai-tzu from Simferopol // Acta Orientalia Hungaricae. Budapest, 1977. Tomus XXXI (2). P. 185-215.

ISLAM AND TENGRISM IN POLITICAL LIFE OF THE ULUS OF JOCHI: CHANGE OF SPIRITUAL GUIDELINES (THE XIII-XIV CENTURIES)

Sheremet'ev Aleksandr Grigor'evich

Research and Production Center for the Conservation of Historical and Cultural Heritage (Saratov)
alexandrsheremetev@yandex.ru

The article examines the evolution of the spiritual priorities of the Golden Horde ruling circles in the XIII-XIV centuries. The author analyzes the reasons for the gradual decay of the early imperial ideological doctrine (Tengrism) and the parallel growing of Islam importance in the Ulus of Jochi. Special attention is paid to the problem of the forms of the penetration of the Islamic values in the Golden Horde environment (the Hanafi madhhab, Sufism), which predetermined the preservation of many early imperial principles of state administration characteristic for Tengrism by their particular features.

Key words and phrases: the Golden Horde; the Jochids; religious factor; political life; Tengrism; Islam.

УДК 342.951:351.82

Юридические науки

В статье рассматриваются вопросы, связанные с моментом начала производства по делам об административных правонарушениях в области налогов и сборов. Отдельно рассмотрена структура данной стадии. Основное место в статье отводится анализу сложившейся практики возбуждения дела об административных правонарушениях рассматриваемой категории на материалах Омской и Новосибирской областей, выявленных автором. Автором сформулированы проблемы, с которыми сталкивается правоприменитель на данной стадии производства. Также в статье затрагиваются вопросы проведения административного расследования дел данной категории.

Ключевые слова и фразы: возбуждение дела об административном правонарушении; административное расследование; производство по делам об административных правонарушениях в области налогов и сборов.

Шилехин Константин Евгеньевич

Омская академия МВД России
Konstantin.shilehin@gmail.com

ПРОБЛЕМЫ ВОЗБУЖДЕНИЯ ДЕЛ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В ОБЛАСТИ НАЛОГОВ И СБОРОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОМСКОЙ И НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТЕЙ)[©]

Производство по делам об административных правонарушениях является составной частью административного процесса и представляет собой регламентированную административно-процессуальными нормами деятельность государственных органов и их должностных лиц по всестороннему, полному и своевременно выяснению обстоятельств каждого дела об административном правонарушении, разрешению его в соответствии с законом, обеспечению исполнения вынесенного постановления, а также выяснению причин и условий, способствующих совершению данного правонарушения.

В теории административного процесса нет единства мнений относительно количества и содержания стадий рассматриваемого производства. Мы придерживаемся точки зрения И. О. Филоненко [11, с. 15], что данное производство состоит из следующих стадий:

1. Возбуждение дела об административном правонарушении.
2. Административное расследование дела об административном правонарушении (факультативная стадия).
3. Рассмотрение дела об административном правонарушении.
4. Пересмотр вынесенного постановления.
5. Исполнение постановления.

Возбуждение дела об административном правонарушении является первой стадий производства по делу. В литературе встречается множество вариантов наименования данной стадии: «установление факта противоправного деяния и его фиксация» [9, с. 17], «первичные процессуальные действия» [12, с. 90], «административное расследование» [3, с. 90], «возбуждение дела и административное расследование по делу» [6, с. 175], «возбуждение дела об административном правонарушении» [5, с. 82].

Однако вне зависимости от формулировки содержание данной стадии в большинстве случаев представляет собой осуществление действий по предварительной подготовке к рассмотрению дела об административном